

ЗОРКОЕ СЕРДЦЕ ВАСИЛИЯ ЕРОШЕНКО

В истории человечества вряд ли отыщется ещё одна подобная судьба... Наш земляк, крестьянский сын из села Обуховка под Старым Осколом Василий Ерошенко – философ-гуманист, сказочник, поэт и драматург (классик японской литературы); полиглот, овладевший множеством языков (эсперанто, японским, английским, немецким, французским, латынью, тайским, бирманским, тамильским, туркменским и другими); путешественник, объехавший чуть ли не полсвета (Польша, Германия, Англия, Франция, Австрия, Финляндия, Япония, Китай, Индия, Бирма, Сиам, Армения, Грузия, Украина, Туркмения, Узбекистан...). А ещё талантливый музыкант, певец, рассказчик-импровизатор, шахматист... И всё это – человек, трагически потерявший зрение в четырёхлетнем возрасте. Поразительная, легендарная жизнь!

В Японии имя Ерошенко стоит в одном ряду с именами прославленных японских писателей и деятелей культуры. На японском языке, которым Василий Яковлевич владел в совершенстве, издавались трёх- и пятитомные собрания его сочинений. Великий китайский писатель Лу Синь оставил переводы сказок Ерошенко и послесловия к ним. Наш земляк – главный герой известной новеллы Лу Синя «Утиная комедия».

Все, кому доводилось встречаться с Василием Яковлевичем, отмечают необычайную многогранность его интересов и духовных исканий, глубочайшие познания в самых разных областях науки и культуры: литературе и языкознании, истории и музыке, медицине и философии.

Во многом его выручала необыкновенная память. Иностранные языки он изучал главным образом на слух, часами слушая живую речь или пластинки.

В творческом наследии Ерошенко – сказки, легенды, притчи, рассказы, пьесы, стихи, очерки, статьи. Мир произведений писателя-романтика, писателя-символиста – мир особый, рождённый его богатой фантазией, лишённый во многом привычных для нас, зрячих, реалистических примет и деталей. Но это и мир возвышенных, благородных мыслей, мир человека, который целью своего творчества, своей жизни считал борьбу с несправедливостью, неправдой, злом. Книги Ерошенко полны любви к простым людям, проникнуты страстным призывом к добру. Созданные вдали от родины, они именно этим, своей человечностью, близки нам сегодня как никогда.

В январе 2020 года исполняется 130 лет со дня рождения писателя. Жизни и творчеству нашего великого земляка посвящена новая повесть известных белгородских краеведов **Александра и Бориса Осыковых «Зоркое сердце Василия Ерошенко»**. Книга пока не опубликована, и первыми, кто познакомится с новой работой братьев Осыковых, будут читатели «Большой переменки». Авторы любезно предоставили нам рукопись будущей книги. В этом номере мы публикуем отрывки из повести, которые рассказывают о детстве Василия Ерошенко.

**Портрет Василия Ерошенко
кисти немецкого художника
Рудольфа хранится
в городском музее Лейпцига**

В ту пору Обуховка считалась одним из наиболее крупных сёл в округе. Была тут и своя торговая слобода. Как раз посреди торговой слободы, неподалёку от церкви, стояла, утопая в густой зелени ветвистого сада, небольшая, на пять светлиц, хата, принадлежавшая весьма уважаемому на селе человеку – Якову Васильевичу Ерошенко.

Потомственные крестьяне – дед и отец Якова – всю жизнь работали на земле, тяжким и упорным трудом добывая простотой мужицкии хлебешек. Отец умер рано, но дочерей своих, сестёр Якова, успел по-выдавать замуж, одарив каждую вполне приличным приданым. Якову же досталась основанная часть отцова наследства: дом с фруктовым садом, небольшая бакалейная лавка, стоявшая в торговой слободе, да во-семь лошадок, на которых Яков Васильевич по примету отца возил в слободу почту, а также всевозможные грузы для жителей Обуховки.

Рисунки Станислава ЧЕРНЯЕВА

Короткое детство

31 декабря 1889 года (12 января 1890 года – по новому стилю) в селе Обуховка Старооскольского уезда в крестьянской семье Якова Васильевича и Евдокии Васильевны Ерошенко родился сын Василий.

Куда бы потом ни забрасывала судьба нашего удивительного земляка, никогда не забывал он свою светлую родину – тихую, бревенчатую Обуховку, тесно прижавшуюся к большому лесному массиву. Сельскую околицу, звонкую речку на зелёном лугу, голубиную стаю над обуховской церковью...

Обуховка – село в Старооскольском городском округе Белгородской области, основано в 1690 году. Находится в 25 километрах к югу от Старого Оскола и расположено между двумя железнодорожными станциями – Старый Оскол и Голофеевка. Село лежит на правом берегу реки Котёк, впадающей в приток Дона Оскола. Первоначальное название – Петровское (по церкви во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла).

С этим поселением связаны имена Петра I, гетмана Мазепы, князя Меншикова, графа Салтыкова. К концу 18-го века слобода Петровская стала называться Обуховкой, по имени проживавшего здесь помещика Обухова.

В 19-м и начале 20-го века, вплоть до революции, Обуховкой владело целое поколение графов Орловых-Давыдовых.

28 октября 1986 года было принято решение об открытии в селе Обуховка Дома-музея имени Василия Ерошенко. 12 января 1990 года Дом-музей принял первых посетителей.

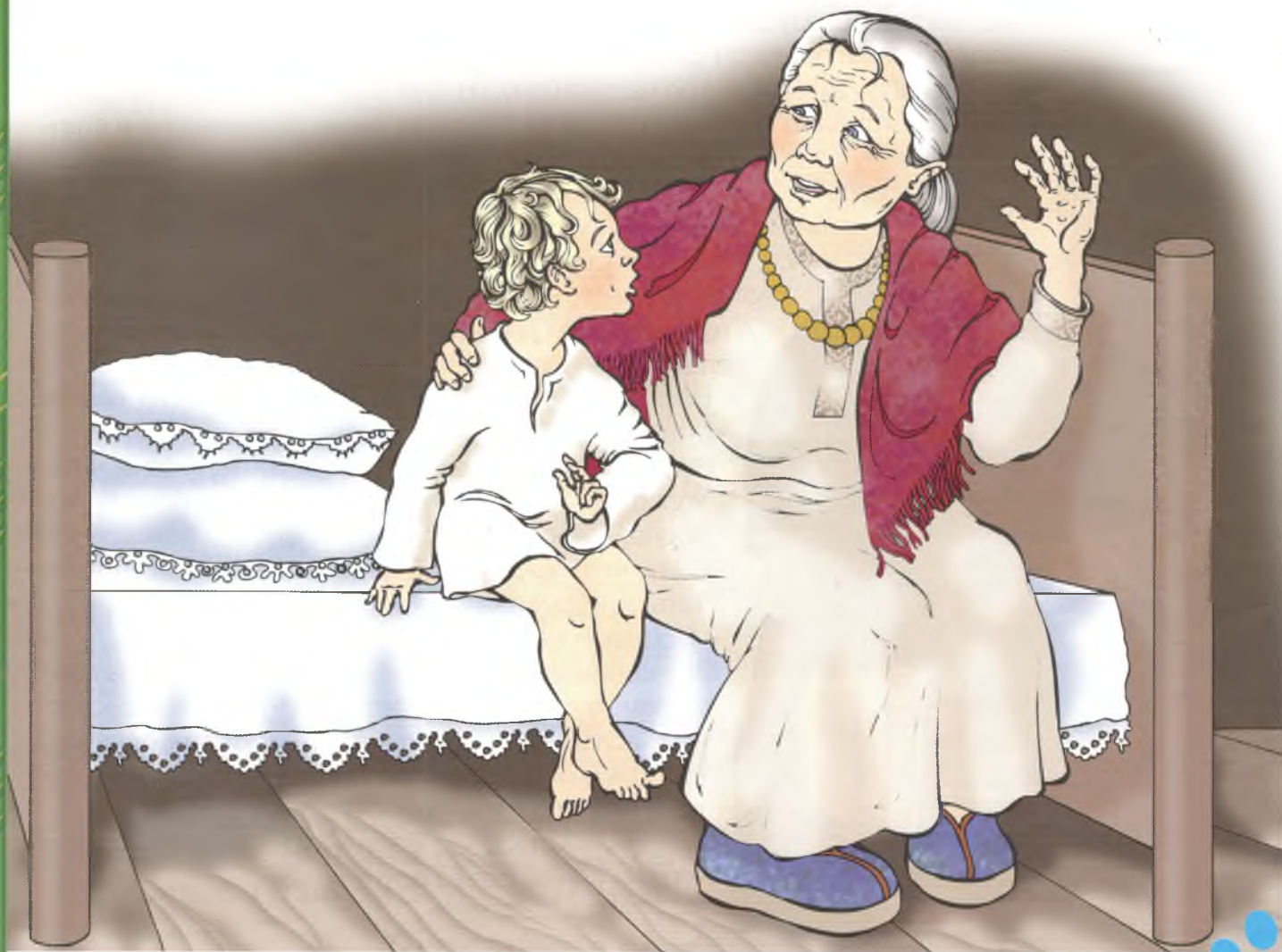
С молодых лет Яков Ерошенко отличался спокойным покладистым характером и был не только справным хозяином, но и статным, видным мужчиной. И жену он выбрал себе под стать – синеокою и белокурую, работающую и жизнерадостную красавицу Евдокию, дочь старооскольского кузнеца Василия Семькина. Господь подарил им четырёх дочерей: Нилу, Полю, Марусю и Нину, да трёх сыновей: Сашу, Ваню и Васю – Василька, такого же, как красавица-мать, синеокого и белокурого, неутомимого выдумщика и развесёлого проказника.

Василёк рос крепким и здоровым ребёнком. Он научился ходить, когда ему не было ещё и года, а в двухлетнем возрасте уже самостоятельно разгуливал не только в отцовском саду, но и, будучи от природы весьма смыслёным и любознательным мальчишкой, всё время пытался убежать за ворота, чтобы узнать, а что же находится там, за пределами родного дома.

А когда Васильку минул третий год, он уже вовсю гонял вместе с неугомонной сельской ребятнёй по всей Обуховке, забираясь в самые дальние, самые потаённые уголки родной слободы.

Ну а летом любимое место деревенской детворы, конечно же, речка. Берега её покрыты густой, сочной, ослепительно-зелёной травой. Вода немного мутноватая от песка, которым выстлано речное дно, но под вечер тёплая-тёплая. Так бы и плескался в этой ласковой, доброй водичке целую вечность...

На другом берегу темнеет зеленоглавый задумчивый лес, откуда доносятся заливыстые соловьиные трели, лёгкий шелест молодой листвы и ритмичное постукивание дятла. Однажды Василька и целую ватагу его сверстников тайком от взрослых увлёк за собой в лесную чащу семилетний сын обуховского кузнеца Петька, которого вся деревенская малышня безоговорочно признавала своим атаманом. Осторожно пробираясь между раскидистых деревьев и ощущая себя настоящими первопроходцами, мальчишки почти сразу набрали на небольшой овраг,

на дне которого выбивался из-под земли на поверхность маленький родничок. Прильнув вслед за Петькой и другими ребятами к роднику, Василёк поразился тому, что самая обыкновенная вода может быть такой вкусной.

С тех пор это место стало для маленького Васи любимым, заветным местом в родной Обуховке. Приходить сюда, чтобы пообщаться с говорливым лесным родничком, словно с самым верным и преданным другом, Василёк начнёт уже спустя год, когда с ним, внезапно потерявшим зрение, вчерашние приятели, пугаясь его слепоты, почти перестанут общаться. И сюда будет он приходить всякий раз, возвращаясь на родину из своих путешествий в «дальние страны».

Но пока что Василёк ещё абсолютно здоров, весел, полон самых радостных впечатлений, которые дарит ему окружающий мир. И потому безмерно, по-детски счастлив. Он по-прежнему проводит весь день на речке, научившись самостоятельно, без чьей-либо помощи, плавать лучше всех своих сверстников. Приходит домой под вечер, уплетает за обе щеки вкусный мамочкин ужин, а заканчивается для него день, как всегда, бабушкиной сказкой. Без сказки и не заснёт Василёк – так уж повелось.

Ну а лето того незабываемого для Василия Ерошенко года закончилось, как это часто бывает в наших краях, внезапно. Ещё вчера всюду светило солнце, можно было купаться, загорать, играть в салочки на цветочной поляне, а потом, прогулявшись по лесу, спуститься к заветному родничку. Но сегодня с утра всё небо заволочло тучами и похолодало так, что без тёплой одежды и нос на улицу не высунешь. Пригорюнившись, Василёк почти весь день просидел у окошка, ожидая отца, уехавшего по делам в Старый Оскол и пообещавшего привезти ему из города какой-то необычный, но очень нужный подарок. За окном уже почти совсем стемнело, когда на пороге появился отец с покупками и гостинцами для Евдокии Васильевны и Васильковых братьев и сестёр. Раздав все подарки, Яков Васильевич вышел из хаты и вскоре вернулся с большим мешком, из которого вынул... Ну, конечно же, Василёк сразу догадался, что это такое. Это же санки! Скоро зима, выпадет снег, и вот тогда санки очень и очень пригодятся.

В декабре завьюжило по-настоящему, по-зимнему. Снегу навалило столько, что даже Васильку пришлось помогать Якову Васильевичу и старшему брату Саше расчищать двор. А потом он с нескрываемым восторгом вместе с отцом и братом принялся катать снежные шары и лепить из них снежную бабу, которой Евдокия Васильевна, смеясь, глядя на раскрасневшихся счастливых мужа и сыновей, воткнула вместо носа здоровенную оранжевую морковку. А на следующий день рано утром к Ерошенкам уже стучался атаман Петька:

– Василёк, выходи! Айда на речку, с горки на санках кататься!

Накатались в тот день друзья от души. К вечеру похолодало. Только Васильку отчего-то совсем не холодно. Жаром всего обдаёт. И глаза режет.

– Ну что, айда до дому, – говорит приятелю Петька, – смеркается уже.

– Пошли, – вяло отвечает Василёк.

Молчаливый и невесёлый бредёт он следом за приятелем, а глаза застилает какая-то кроваво-красная, ослепляющая пелена. И виски так сдавило, что каждый шаг, каждое движение отдаётся в голове нестерпимую болью.

Заметил Петька, что Васильку не по себе, усадил его на санки, повёз друга домой.

Вечная ночь

Захворал Василёк. Занедужил так, что ничего не видит и не слышит вокруг. Не узнаёт никого. Бредит. Жестокий жар мучит его уже несколько дней. Лицо, обрамлённое копной светлых льняных волос, покрылось ярко-красными пятнами, а светло-синие лучистые глаза потускнели, слезятся. Бесперывный сухой кашель разрывает грудь, мешает спать.

Евдокия Васильевна ни на минуту не отходит от Василька и лишь время от времени просит старшую из дочерей посидеть у постели брата, а сама уходит к себе в комнату, опускается на колени перед ликом Божией Матери и молится, молится.

Наутро пятого дня Васильку стало совсем плохо.

Отец привёз из города лекаря. Тот осмотрел мальчика, выслушал, простучал грудь и спину, глянул горло и сокрушённо покачал головой:

– Корь у ребёнка. Форма тяжёлая. И к тому же с осложнением – воспаление лёгких.

Затем выписал рецепт и уехал.

День и ночь по очереди дежурили возле постели больного ребёнка мать, бабушка и старшая сестра Нила, боясь отойти хоть на миг. Банки, компрессы на голову, микстуры...

А Василёк всё время метался в бреду, кричал, то и дело звал кого-то, а потом замолкал ненадолго, забываясь чутким, тревожным сном.

Однажды вконец измученная Евдокия Васильевна задремала, сидя у кровати Василька, а очнувшись спустя некоторое время, вдруг с удивлением и затаённой радостью услышала ровное, спокойное, без стонов и хрипов, дыхание сына. Она осторожно положила руку мальчику на лоб и сразу же почувствовала, что тот уже не пышет жаром, как раскалённая печка, а, наоборот, весь покрыт испариной.

Наутро Василёк впервые за много дней пришёл в себя и слабым голосом попросил у мамы воды. Евдокия Васильевна кинулась к столу, схватила кружку, торопливо наполнила её водой и подала сыну. Но вдруг с ужасом увидела, что Василёк протягивает исхудавшую ручку совсем не туда, где находится кружка с водой. При этом он всё время перебирает в воздухе своими тонкими детскими пальчиками, словно хочет ими что-то нащупать, как это делают люди, внезапно оказавшиеся в полной темноте. Его ярко-синие огромные глаза, прежде такие озорные, беспокорные, теперь отчего-то совсем неподвижны и глядят в пространство холодно и безучастно.

Сердце матери сжалось от страшного предчувствия. Неужели её сын ослеп? Нет, не может быть!

Она поднесла кружку прямо к губам мальчика и стала поить его, приговаривая:

– Пей, мой маленький, пей, мой хороший. Пей вволю.

Но Василёк, сделав всего несколько глотков, вдруг закричал:

– Мама, я ничего не вижу! Почему так темно? Где свет? Что со мной?

Евдокия Васильевна, как могла, успокаивала сына. А у самой земля уходила из-под ног. Она поняла, что случилось непоправимое...

Яков Васильевич вновь съездил за лекарем. Тот внимательно осмотрел мальчика, долго молчал. Наконец, хмуро сказал:

– Увы, но осложнения после кори часто заканчиваются потерей зрения. И боюсь, что в вашем случае это безнадежно...

Медленно, очень медленно возвращались силы к измученному страшным недугом ребёнку, болезнь долго не хотела отступать. Но, наконец, поддалась, отступила. Вот только зрение так и не вернулось...

С тех пор вечная ночь настала для Василька, но мальчик это понял не сразу. Ему ещё очень долго казалось, что он видит мамино лицо, сияющий небосвод и голубиную стаю над обуховской церковью. Но это уже было только воспоминание об увиденном...

Окончание в следующем номере